

Шторы на эркере были задернуты не до конца, и, если посмотреть наружу, весь город сиял яркими огнями.

Цзян Сяомэн безвольно прильнула к Цзян Ся, ее лицо пылало, а в теле не осталось ни капли сил. Правая рука Цзян Ся то лихорадочно, то лениво перебирала ее растрепавшиеся волосы, и вдруг та трогательно улыбнулась: — Я ведь и вправду боялась, что твои папа с мамой услышат, что у нас тут в комнате творится.

— Ни за что, между нами целая комната, к тому же я... — Сяомэн осеклась, сообразив, что сболтнула лишнего, и тут же захлопнула рот. Неудивительно, что она тут же услышала насмешливый голос Цзян Ся: — Что ты?

Цзян Сяомэн оставалось лишь прикинуться глухой и сменить тему: — Куда это ты пропадала на прошлой неделе?

— Я же говорила: в субботу была в боевом зале, а в воскресенье — день рождения Гань Минчжу, мы ездили отмечать на море.

— Хм, ты совсем меня не ценишь! Могла бы взять меня с собой, я же знаю Гань Минчжу.

— Твой дом далеко, к тому же я подумала, что тебе вечером возвращаться в общежитие, вот и не звала, — слегка виновато отозвалась Цзян Ся.

— Все это отговорки. Ты просто не хочешь, чтобы твои друзья знали, что я твоя девушка. — Цзян Сяомэн с недовольством легонько прикусила ее за губу.

Цзян Ся облизала губы и горько усмехнулась: — Они все и так знают. К тому же у нас в университете полно таких пар, мне вовсе не обязательно скрываться.

— Но ты ведь никогда официально не представляла меня им как свою девушку!

— Разве и так не очевидно? — Цзян Ся на мгновение растерялась, а затем произнесла: — Ладно, в следующий раз представлю официально.

— То-то же! — Цзян Сяомэн наклонилась и крепко поцеловала ее в щеку, после чего самодовольным тоном заявила: — У меня в университете знаешь сколько поклонников? Не ценишь меня — смотри, уведут!

— Правда? — Цзян Ся ущипнула ее за подбородок и полушутя спросила: — И сколько же?

— Дай подумать... Двое, трое... Пятеро... — она вытянула пальцы, моргнула и принялась сосредоточенно считать, как вдруг чья-то рука скользнула ей со спины под мышку и пару раз

пощекотала. Сяомэн звонко рассмеялась и кубарем скатилась с Цзян Ся.

— Ладно, Ся, перестань! — сквозь смех и крики взмолилась Цзян Сяомэн.

Подождав, пока та запыхается от смеха, Цзян Ся наконец отпустила ее. Сяомэн перевернулась, села и включила прикроватный светильник — мягкий свет мгновенно заполнил комнату, наполняя тесное пространство ощущением уюта.

Цзян Ся взяла со столика стакан воды, но не успела сделать и глотка, как Цзян Сяомэн, совсем как ребенок, перехватила инициативу: — И мне!

Цзян Ся обернулась и протянула ей стакан. Та приподнялась, забрала его, жадно сделала несколько больших глотков и вернула Цзян Ся. Сяомэн с улыбкой стерла капли воды с ее губ, допила оставшееся и поставила стакан на место.

Она снова легла на кровать, бережно повернула Цзян Сяомэн за плечо и прижалась к ней боком лицом к лицу, водя пальцем по ее красивому лицу и прищурившись произнесла: — Мэнмэн, признавайся, что за типы за тобой ухаживают?

— Ревнуешь? — в огромных глазах Цзян Сяомэн плескалось веселье.

— Мм, чуть-чуть, — Цзян Ся нахмурилась.

— И всего-то чуть-чуть? — недовольно пробормотала Цзян Сяомэн, и Цзян Ся невольно усмехнулась.

— А среди ухажеров есть красавчики?

Цзян Сяомэн самодовольно протянула: — Конечно есть! Один из них — просто загляденье, старше меня на курс, прямо-таки первая красота университета!

— Тьфу! Первая бездарность! — Цзян Ся громко фыркнула носом, а затем снова спросила: — А девчонки тебе нравятся?

— Вроде нет. — Цзян Сяомэн задумалась и вдруг тихонько хихикнула: — Но у нас в группе есть одна девочка, она ко мне так хорошо относилась... Одно время я даже подозревала, не влюблена ли она в меня, только боялась тебе рассказывать.

— Держись от нее подальше!

— А говорила — только чуть-чуть ревнуешь, каждое слово прямо кислит, — Цзян Сяомэн

радостно придвинулась вплотную к Цзян Ся и шепнула: — Но мне так нравится, когда ты ревнуешь, это безумно мило.

С этими словами она провела языком по губам Цзян Ся и, просунув язычок внутрь, подарила ей нежный, полный чувств поцелуй. Цзян Ся тут же подхватила ее инициативу, сладко вытягивая ее нежный язычок, и все готовые сорваться с языка гордые упреки потонули в этом поцелуе.

— Мэнмэн, мы теперь не можем видеться каждый день, так что перед чужими соблазнами держи себя в руках, ладно? — чуть запыхавшись, прошептала ей на ухо Цзян Ся.

— Посмотрю, как ты себя поведешь.

Рука Цзян Ся скользнула с ее лица ниже и легла на грудь, после чего та с усмешкой спросила: — И как я себя веду?

— Ты вечно меня задираешь! — лицо Цзян Сяомэн снова залилось краской.

— По-моему, тебе нравится, когда я тебя задираю, — Цзян Ся придвинулась совсем близко и поцеловала ее в нос, а ее шаловливая рука тем временем продолжила свой путь: — Скажи, что ты любишь только меня одну.

— А вот и не скажу... — дыхание Цзян Сяомэн уже сбилось, голос вмиг стал нежным и беспомощным, и она невольно протянула руки, крепко обняв ее.

— Говоришь ты или нет?

— Мм... — Цзян Сяомэн не сдержала тихого, едва уловимого дрожащего стона, и ее ноги крепко зажали руку Цзян Ся. Лицо самой Цзян Ся вдруг запылало, а глаза устремились на нее с жгучим, немигающим взглядом.

— Ся, я люблю только тебя одну... — ее голос звучал так мягко, что казалось, вот-вот сорвется на капли росы.

— Скажи еще раз, — кто-то ласково и настойчиво уговаривал ее.

— Только тебя одну...

Дыхание обеих стало частым. Чья-то рука вынырнула из-под одеяла, прикроватная лампа в тот же миг погасла, и все вокруг снова погрузилось во тьму.

В роскошном президентском люксе на верхнем этаже отеля Империял, расположенного на оживленном Бульваре Цзыцзин в Цуйчэне, в этот момент тоже разыгрывалась страстная сцена.

Женщина на постели выглядела совсем молодой — на вид чуть за двадцать, с соблазнительной и яркой внешностью. Она полулежала на мужчине средних лет, глядя на него затуманенным, полным фанатичного обожания взглядом. Сам мужчина отличался правильными, красивыми чертами лица и глубоким, проникновенным взглядом. Вероятно, благодаря постоянным тренировкам и заботе о спортивной форме, его фигура сохранилась просто превосходно, излучая неповторимое очарование зрелого мужчины.

Женщина подалась вперед, нежно потеревшись нежной щекой о его щеку, и капризно прошептала: — Давай сегодня не будем возвращаться, м?Чжу Вэньхань немного передохнул, и его дыхание постепенно успокоилось. Он слегка прикрыл глаза, не отвечая на слова женщины. Девушка ничуть не обиделась, склонилась к нему и легко поцеловала в нос, в губы, а её руки мягко заскользили по его широкой груди. В Чжу Вэньхане вновь разгорелось желание, он открыл глаза, и перед ним предстало красивое, утонченное лицо.

Похожа, действительно очень похожа на ту женщину, что уже несколько десятилетий занимала самое сокровенное место в его сердце. Но ни у кого не было и тысячной доли того очарования, той неповторимой стати.

С тех пор как он по-настоящему сосредоточил в своих руках всю полноту власти в Корпорации Цзян, он не переставая отыскивал женщин, похожих на Вэнь Жоя. Стоило заметить хоть пару схожих черт, как у него тут же хватало средств и возможностей прибрать её к рукам и сделать своей любовницей. И даже когда Цзян Чжитин впоследствии узнала о его похождениях на стороне, поделаться она ничего не могла.

На людях он был строгим, но в то же время мягким и учтивым хозяином, однако за закрытыми дверями он мог полностью преобразиться и принять совсем иной облик. Будучи человеком, дорожающим своей репутацией, он в то же время не желал подавлять собственные желания, а потому, используя деньги и власть, долгие годы жил двойной жизнью. За столько лет он уже привык к такому существованию.

Пока Цзян Шаоцзи был жив, он слыл умным и талантливым зятем, мужем, окружавшим жену всевозможной заботой, и нежным отцом. Цзян Шаоцзи слепо доверял ему и перед смертью разделил принадлежавшие ему акции Корпорации Цзян на три части: одну оставил ему, а две другие — дочери и внучке. После же смерти старика Чжу Вэньхань лестью и обманом уговорил жену переписать её долю на своё имя. Цзян Чжитин изначально не интересовалась бизнесом и безумно любила его, так что разве стала бы она возражать? А когда он наконец явил своё истинное лицо, было уже поздно.

Стоило тестю умереть, а компании перейти под его полный контроль, как Чжу Вэньхань собственными руками сорвал маску нежности. К тому же, приняв бразды правления, он стал всё сильнее загружаться делами, начал находить предлоги не ночевать дома, выказывал раздражение по отношению к Цзян Чжитин, относился к ней с полным равнодушием, а до собственной дочери ему и вовсе не было никакого дела.

Он никогда не любил жену. Теперь, когда отпала необходимость притворяться, вокруг столько прекрасных женщин — с какой стати ему каждый день сидеть взаперти дома, глядя на вечно упрекающую и обиженную супругу?

Чжу Вэньхань заводил связи с самыми разными женщинами: это были и студентки университетов, и деловые красавицы, и даже ночные бабочки. Но он никогда не трогал сотрудниц собственной компании.

Обычно, стоило новизне притупиться, как он без малейшего сожаления откупался от них деньгами и заменял новыми. Лишь Мэй Ша, находившаяся подле него с восемнадцати лет и по сей день, оставалась при нём — лишь потому, что среди бесчисленных женщин она внешне походила на Вэнь Жоя больше всех.

Глядя на это молодое и манящее лицо, Чжу Вэньхань смягчился во взгляде, в сердце стремительно поднималась и накапливала силу страсть. Он приподнял руку, ласково коснулся её щеки и, глубоко заглянув в её глаза, чистые и мягкие, как весенние воды, хриплым шепотом позвал:

— Жоя... Жоя...

Улыбка Мэй Ша слегка померкла. Неизвестно с каких пор она сама не заметила, как полюбила этого мужчину, который был вдвое старше её. Успешный в делах, полный сил и энергии — он находился в самом привлекательном для мужчины возрасте. На его фоне те зеленые юнцы казались сущим ничтожеством; он напоминал выдержанное годами дорогое вино, терпкое и крепкое, от которого она пьянела без капли спиртного. Но сколько раз бывало так, что в самые страстные моменты он неизменно шептал имя некой Жои, причиняя ей боль и разжигая жгучую ревность.

Она ненавидела эту женщину, ненавидела то, что служит лишь заменой для кого-то другого. Но поделать ничего не могла, потому что безумно любила этого мужчину. И это несмотря на то, что знала: от него ей всегда будут доставаться лишь деньги, но никак не чувства.

Чжу Вэньхань же не замечал её перемены в настроении. Его взгляд постепенно теплел, и вдруг он, резко перевернувшись, прижал Мэй Ша к постели, принимаясь грубовато целовать её, в то время как его руки отчаянно ласкали её тело.

— Хочешь, я рожу тебе ребенка? Всё равно... всё равно у тебя только один ребенок, — воспользовавшись моментом, капризно произнесла Мэй Ша.

Чжу Вэньхань приподнял голову и с крайним раздражением бросил:

— Мне не нужны дети! Я не люблю детей! И уж тем более не позволю первой встречной рожать мне ребенка! — С этими словами он крепко ухватил её за талию и резким толчком вошел в неё.

Мэй Ша судорожно вцепилась в простыню, из её горла вырывались мерные стоны, а из глаз беззвучно катились слёзы.

Чжу Вэньхань обожал молодых женщин: их упругая, нежная кожа напоминала лепестки свежих цветов, а гладкие, прекрасные тела излучали молодое сияние и неиссякаемую энергию. Еще больше он любил подчинять их своей воле, доказывая собственную мужскую состоятельность и то, что его тело вовсе не дряхлеет с годами. Каждый раз он оставался невероятно доволен своей формой.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Чжу Вэньхань скатился с неё и тяжело задышал, глядя в потолок. Мэй Ша повернулась на бок и, свернувшись калачиком словно котенок, прижалась щекой к его груди, прислушиваясь к стуку его сердца.

Немного передохнув, Чжу Вэньхань оттолкнул её, голышом поднялся с кровати, подошел к одежде и начал одеваться одну вещь за другой. Мэй Ша обессиленно лежала на постели, с трудом приподнявшись на локте, и удивленно смотрела на него:

— Ты что, не останешься ночевать?

— Вдруг захотелось вернуться, — Чжу Вэньхань застегнулся, обернулся к ней и, заметив на её лице отблеск сожаления, чуть мягче добавил: — Завтра я велю перевести денег на твой счет, сходишь купить себе пару платьев.

Мэй Ша закусила губу, не произнеся ни слова. Чжу Вэньхань тоже больше ничего не сказал и даже не взглянул на неё — он распахнул дверь и вышел наружу. Девушка вдруг уткнулась лицом в одеяло, и из её глаз непрерывным потоком хлынули слёзы.

У выхода из отеля уже ждал автомобиль с водителем. Плотно сжав губы и вернув лицу привычное солидное выражение, Чжу Вэньхань нырнул внутрь черного седана, и машина тут же сорвалась с места.

На улицах по-прежнему переливались неоновые огни, сновали толпы людей. Чжу Вэньхань не смотрел по сторонам, он казался слегка утомленным. Откинувшись назад на сиденье, он медленно прикрыл глаза, и тогда в его сознании постепенно возникло невероятно красивое, ослепительное лицо. Оно становилось всё отчётливее, и он тихо, со всей нежностью прошептал про себя:

— Жоя...

Внезапно из глубин памяти всплыл другой образ — более юное, озаренное легкой улыбкой прекрасное лицо. Обе эти женщины были похожи не только чертами, но и самой сутью, и постепенно их черты слились воедино.

Тогда с его губ сорвалось имя, казалось, слишком долго хранимое втайне.

— Юйтун...

<http://bllate.org/book/20977/2129535>